

18 Демерджинская статуя.

Кому изъ посѣтителей Крыма неизвѣстна Демерджинская скала, эта гигантская возвышенность, у подножія которой зеленою лентою вьются фруктовые и виноградные сады Алуштинской долины? Скала эта замѣчательна у туземныхъ обитателей множествомъ баснословныхъ разсказовъ и безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ очаровательныхъ картинъ природы въ классической части Тавриды. Испещренная какими-то полуколоннами и какъ-будто развалинами дворцовъ, она гордо подымаетъ вершину свою къ облакамъ и какъ-будто съ ненавистью слѣдитъ за грознымъ моремъ, не разъ сивившимся сокрушить ея бытіе.

Изучая все относившееся къ этому роскошному колоссу Крыма, я положительно былъ убѣжденъ, что, кромѣ греческихъ легендъ, должны существовать о немъ и татарскія мифическія преданія, потому что и этотъ народъ не совсѣмъ равнодушно смотритъ на величавыя игры природы. Но, увы, ни въ Алуштѣ, ни въ сосѣднихъ деревняхъ я ничего не могъ узнать даже объ оконечности Демерджинской скалы, представляющей вѣрное изображеніе каменной статуи, которую одни уподобляютъ татаркѣ, прикрытой чадрою, другіе — женщинѣ съ зачесаннымъ шиньеномъ, третьи — сфинксу и т. д.

Послѣ многихъ лѣтъ, прошедшихъ въ напрасныхъ распросахъ, я какъ-то случайно завелъ разговоръ съ однимъ хаджи изъ деревни Гурзуфъ о томъ, какимъ образомъ Крымъ перешелъ во власть русскихъ и почему крымскіе татары ласкаются надеждою, что страна эта вновь перейдетъ въ ихъ господство.

— Всему есть своя судьба и каждой странѣ прописана ея будущность, — отвѣчалъ хаджи. — Крымъ славится и въ наше время въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Хвалу эту я слышалъ собственными ушами отъ различныхъ мусульманскихъ сектъ, стекавшихъ чуть-ли не со всего міра въ блаженную Мекку. Всѣ они сожалѣютъ, что такая роскошная для жизни страна изъята Аллахомъ изъ нашихъ рукъ. Но развѣ люди, ничтожная тварь Бога, вправѣ роптать противъ мудраго предопредѣленія Творца? *Хысметъ*, или судьба, есть законъ неизмѣнный и для солнца и для козявки. Да будетъ-же надъ нами святая судьба выраженіемъ воли Всемилоствѣйшаго и всѣхъ посланниковъ его на грѣшную землю! — Хаджи остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ: — По поводу присоединенія Крыма къ Россіи и какъ долго странѣ этой суждено оставаться во власти русскихъ, я передамъ вамъ одинъ изъ разсказовъ моего дѣда, который всегда приходитъ мнѣ на память, когда я проѣзжаю мимо Демерджинской скалы и глаза мои подымаются на юго-восточную оконечность ея, принявшую форму женской фигуры. Въ то злополучное время, когда въ Крымскомъ ханствѣ начались первыя смуты и неурядицы по прояскамъ турецкаго правительства, а ханы наши соизволили предавать забвенію законы пророка въ родѣ того, что для красы брили бороды

и подвязывали подбородки чернымъ платкомъ, чтобы скрывать поступки свои отъ народа и строгаго духовенства или съ тщеславіемъ возлагать на себя иноверные ордена, — въ Алушту прибылъ съ неизвѣстныхъ странъ какой-то дервишъ, поразившій всѣхъ святостью жизни и великими чудесами. Слава о дѣяніяхъ и предсказаніяхъ его быстро разнеслась по Крыму и дошла до Бахчисарая, гдѣ народонаселеніе болѣе другихъ томилось предчувствіемъ тяжелой зависимости отъ турокъ. Слухи эти заставили нѣкоторыхъ изъ представителей страны пріѣхать къ славному дервишу и допросить его о будущемъ назначеніи ханства. Благословенный Богомъ старецъ принялъ этихъ вельможъ очень сурово и долго не соглашался повѣдать имъ сокровенной тайны, но когда они поверглись предъ нимъ ницъ и, цѣлуя рубица его одежды, начали умолять отъ имени всего народа, онъ изъявилъ согласіе на слѣдующій день стать на молитву и открыть всенародно то, въ чемъ нуждаются посланіе ихъ. Бен и мурзы разошлись и собрались въ назначенный часъ къ дверямъ мечети. Вѣрный обѣщанію дервишъ явился предъ ними въ полдень и приказалъ мѣстному муллѣ пропѣть благовѣсть на молитву. Когда собрались всѣ богобоязливые мусульмане, святой человекъ сообщилъ имъ настоящую причину ихъ приглашенія и просилъ быть особенно усердными къ сегодняшнему намазу (молитвѣ), имѣющему важное значеніе для разъясненія будущей судьбы ихъ царства.

— *Аллахъ керимъ олсунъ!* отвѣчала толпа и расположилась къ молитвѣ.

Дервишъ выступилъ впередъ и, поднявъ глаза къ небу, началъ нашептывать какія-то таинственные слова. Не прошло и десяти минутъ какъ раздался страшный подземный ударъ, отъ котораго взъерошилось и закипѣло море. Женщины и дѣти выбѣжали изъ домовъ своихъ и съ отчаянными криками призывали мужей и отцовъ. Молвившіеся съ трепетомъ нали ницъ. Дервишъ возвысилъ голосъ. Послѣдовалъ второй болѣе сильный ударъ, отъ котораго многія постройки разрушились. Но когда святой началъ вертѣться и въ утомленіи упалъ на землю, всѣ окрестныя горы запыгали на основаніи своемъ, а Демерджинская скала покрылась густымъ чернымъ дымомъ. Мрачное облако это исчезло только тогда, когда дервишъ снова поднялся на ноги. Но каково было изумленіе народа, когда на оконечности этой скалы точно вырвалась изъ земли каменная фигура въ образѣ женщины.

— Что это означаетъ? вскрикнулъ въ одинъ голосъ народъ.

— Это означаетъ то — отвѣчалъ дервишъ, обратившись къ визирямъ и агамъ — что царство татарскихъ хановъ скоро погибнетъ съ лица земли, и что въ подобіи этой статуи воцарится надъ вами христіанская царица и царство ея наслѣдниковъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока эта фигура останется несокрушенною Богомъ!

Дервишъ закрылъ лицо руками и моментально исчезъ изъ глазъ народа.

Предсказаніе его въ точности сбылось много лѣтъ спустя, когда Крымъ достался императрицѣ Екатериинѣ.

14 Деревня Искутъ.

Всѣмъ почти любителямъ исторіи извѣстно, что въ Тавридѣ обиталъ народъ Готескаго происхожденія, и что та полоса земли, гдѣ они поселились, называлась Готеіею. Этимъ именемъ, во времена Генуэзскаго господства въ Θεодосіи съ XIII по XVI столѣтіе обозначалось на картахъ юго-восточная приморская полоса, начиная отъ Судака до Балаклавы. Затѣмъ намъ извѣстно, что Готѣи изъ Крыма ежегодно являлись въ Константинополь къ греческимъ императорамъ съ подарками и исполняли передъ ними какой-то національный танецъ подъ названіемъ *готиконг*.

Изъ небольшого числа словъ, записанныхъ изъ ихъ нарѣчія и сохранныхъ исторіею, намъ всего вѣрнѣе предполагать, что подъ именемъ Готеовъ обитали здѣсь евреи, одно изъ іудейскихъ колѣнъ, удалившееся изъ Палестины послѣ присоединенія ея къ Римской имперіи. Предполагать же, что они были настоящіе Готѣи, отдѣлившіеся отъ общей массы войскъ Θεодорика, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ такое время, когда все рушилось передъ ихъ появленіемъ, и что они могли остаться на жительство въ странахъ незавоеванныхъ, — можетъ показаться крайне невѣроятнымъ. Такъ или иначе, но вопросъ кого слѣдуетъ признавать за Готеовъ Тавриды, до настоящаго времени не рѣшенъ. Извѣстно только, что въ Крыму, кое-гдѣ сохранились памятники о пребываніи Іудеевъ до Р. Х., но не одинаго признака отъ Готеовъ.

Тщательно изслѣдуя прибрежное пространство между Судакомъ и Алуштою, я какъ-то невольнo остановилъ вниманіе мое на названіи большаго татарскаго селенія Искутъ. Названіе это ни въ какомъ случаѣ не могло быть придумано ни генуэзцами, ни греками и ни татарами, такъ какъ оно имѣетъ смыслъ и значеніе въ отношеніи къ мѣстности: *ist gut* или *истъ-кутъ* въ переводѣ съ нѣмецко-еврейскаго означаетъ *хорошее, удобное*. Не ясно-ли, что оно присвоено этой мѣстности народомъ, нашедшимъ его удобнымъ для мѣстожителства и говорящимъ этимъ языкомъ. Но былъ-ли онъ Іудейскаго или Готескаго происхожденія довольно трудно опредѣлить.

Изъ письменныхъ документовъ по этому поводу сохранилась нижеслѣдующая записъ Прокосія, бывшаго въ 562 г. при императорѣ Юстиніанѣ, константинопольскимъ префектомъ: „...императоръ оградилъ обитаемую Готеами приморскую страну Дори, которая находилась тамъ же гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовито и гдѣ искони обитаютъ Готѣи, не пожелавшіе слѣдовать за Θεодорикомъ въ Италію. Они остались тамъ добровольно и нынѣ союзники римлянъ и содѣйствуютъ имъ въ военныхъ дѣлахъ по требованію императоровъ. Числомъ они доходятъ до трехъ тысячъ и всѣ превосходные воины и земледѣльцы.

Страна, въ которой они проживаютъ, не слишкомъ дика и сурова, но пріятна и приноситъ отличные плоды. Тамъ-же, гдѣ безъ труда можно было къ нимъ подойти, императоръ большими стѣнами преградилъ къ нимъ входъ...“

Если буквально вѣрить въ эту записъ, то Готѣи обитали въ Крыму въ той мѣстности, гдѣ расположено теперь татарское селеніе Искутъ, за которымъ дѣйствительно существуютъ признаки громадной стѣны.

Интересуясь всѣмъ этимъ, я, при всякомъ посѣщеніи Искута, употреблялъ всѣ усилія открыть въ преданіяхъ туземцевъ что-нибудь, могущее пролить свѣтъ на эту мрачную страницу этнографіи Тавриды. Но татаръ не легко вызвать на подобнаго рода разговоры, такъ какъ это не интересуетъ ихъ и считается неприличнымъ въ религиозномъ отношеніи. Приходилось выжидать счастливой случайности.

Однажды я намекнулъ хозяину дома, въ которомъ я остановился на ночлегъ, что искутскіе татары — прямые потомки древнихъ грековъ. Предположеніе мое я основывалъ на запискахъ дѣда моего, свидѣтельствовавшего, что вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, онъ нашелъ въ селеніи этомъ мусульманъ, не только говорящихъ на греческомъ языкѣ, но и соблюдавшихъ многія христіанскія требы и праздничныя постановленія. Замѣчаніе мое, повидимому, непріятно подѣйствовало на почтеннаго старика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — вашъ дѣдъ и вы очень ошибаетесь въ томъ, что мы происходимъ отъ грековъ. Такихъ преданій у насъ не существуетъ. Намъ извѣстно только, что прародители наши поселились на этой мѣстности и оградилъ себя стѣнами и башнями отъ всѣхъ остальныхъ обитателей Крыма только для того, чтобы не имѣть съ ними никакого сношенія. Этому послѣдовали и мы въ виду того, что до настоящаго времени не имѣемъ ничего общаго даже съ ближайшими сосѣдями нашими, такими-же мусульманами. Если-же наши отцы говорили по-гречески, то это, вѣроятно, необходимо было для нихъ въ такой-же степени, какъ теперь русскій языкъ.

— Такъ, по мнѣнію твоему, въ Искутѣ искони обитали татары?

— Я этому не могу вполне вѣрить, потому что, еслибъ мы отдѣлились отъ татаръ, между нами существовали бы имена, свойственныя мусульманамъ, издавна исповѣдывающимъ исламъ. У насъ же, какъ, быть можетъ, замѣтили и вы, нѣтъ ни Сеитовъ, ни Эмировъ, ведущихъ родъ свой отъ первыхъ калифовъ.

— Къ какому же народу вы относите себя?

— Этого я не знаю. Между нашими стариками сохранилось только сказочное преданіе, вѣроятно, много разъ переиначенное, что первые поселенцы Искута прибыли изъ Константинополя и не иначе, какъ по содѣйствію какого-то могущественнаго христіанскаго падишаха.

— Интересно было-бы знать, какимъ образомъ это могло случиться?